

Научная статья
УДК 332.13
EDN OСТWJQ

Воспроизводственные параметры пространственного развития России в условиях интеграции новых регионов: дифференциация, факторы, приоритеты

Наталья Владимировна Брюханова¹, Юлия Александровна Мащенко²,
Галина Геннадьевна Уварова³, Алина Владиславовна Персидская⁴

^{1, 2, 3, 4}Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия

¹bryukhanova-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2572-0680>

²mashchenko-ya@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5927-0304>

³uvarova-gg@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2113-8897>

⁴persidskaya-av@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4437-5869>

Аннотация

Введение. Трансформация экономического неравенства России в условиях геополитических вызовов и интеграции новых регионов актуализирует задачи анализа воспроизводственных диспропорций территориального развития. Пространственное развитие национальной экономики характеризуется устойчивой асимметрией показателей валового регионального продукта и фактического конечного потребления домашних хозяйств что требует переосмысления подходов к региональной политике. Интеграция Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей в социально-экономическое пространство Российской Федерации происходит в условиях глубокой межрегиональной дифференциации, сформировавшейся на всех стадиях воспроизводственного цикла. Новые регионы характеризуются деформированными параметрами демографических и хозяйственных процессов, что обуславливает необходимость разработки особых механизмов их пространственного развития.

Цель. Выявление особенностей пространственного развития российской экономики через анализ воспроизводственных параметров регионов и обосновании направлений региональной политики в условиях интеграции новых территорий. Ключевая гипотеза состоит в том, что обеспечение устойчивого пространственного развития требует модификации воспроизводственных пропорций на основе формирования производственной базы и роста первичных доходов населения, что особенно актуально для новых регионов, находящихся на начальном этапе интеграционных процессов.

Материалы и методы. В качестве статистико-аналитической базы при подготовке исследования использованы преимущественно данные Федеральной службы государственной статистики РФ, представленные в информационно-аналитических материалах и статистических изданиях. Для достоверной фиксации трендов экономической дифференциации был использован массив данных начиная с 2000 г.; в связи с публикацией годовых оценок валового регионального продукта с лагом в 1,5 года (фактически больше) расчеты ограничены показателями 2023 г. Использование массива информации, транслируемого субъектами федерального статистического учета, административных данных обеспечивает объективность и устойчивость оценки, возможность сопоставления результатов (при условии неизменности методик) за разные периоды/моменты времени. Методологической основой исследования являются системный подход, методы статистического анализа (типологических группировок, анализа рядов динамики, табличного представления данных).

Результаты. В ходе исследования выявлены ключевые тренды и факторы региональной социально-экономической дифференциации в РФ. Задача позитивного экономического выравнивания сохраняет свое значение, но требует при этом адаптации методик его оценки (в том числе индикаторов и их целевых параметров), механизма и инструментария. Результаты исследования содействуют расширению представлений о пространственной структуре российской экономики в условиях имплементации новых акторов (регионов Приазовья).

Выводы. Устойчивый характер большинства диспропорций территориального развития РФ, выраженных в асимметричных параметрах воспроизводственного процесса, обуславливает поиск средств и инструментов для достижения реального прогресса. Традиционное выравнивание уровней регионального социально-экономического развития посредством политики перераспределения не является доминантой государственного регулирования на современном этапе.

Ключевые слова: пространственное развитие, интеграция новых регионов, воспроизводственные параметры, межрегиональная дифференциация, территориальная асимметрия, валовой региональный продукт, фактическое конечное потребление домашних хозяйств, региональная политика

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Тема 7.3-2026-1 «Приоритеты интеграции и пространственного развития экономики макрорегиона “Приазовье”».

Для цитирования: Брюханова Н. В., Мащенко Ю. А., Уварова Г. Г., Персидская А. В. Воспроизводственные параметры пространственного развития России в условиях интеграции новых регионов: дифференциация, факторы, приоритеты // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2026. № 1. С. 21–38. EDN OCTWJQ

Original article

Reproduction parameters of Russia's spatial development in the context of new regions integration: differentiation, factors, priorities

Natalia V. Bryukhanova, Julia A. Mashchenko,
Galina G. Uvarova, Alina V. Persidskaia

^{1, 2, 3, 4}Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia

¹bryukhanova-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2572-0680>

²mashchenko-ya@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5927-0304>

³uvarova-gg@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2113-8897>

⁴persidskaya-av@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4437-5869>

Abstract

Introduction. The transformation of Russia's economic inequality in the context of geopolitical challenges and the integration of new regions actualizes the tasks of analyzing the reproductive imbalances of territorial development. The spatial development of the national economy is characterized by a stable asymmetry in the indicators of gross regional product and the actual final consumption of households, which requires a rethink of approaches to regional policy. The integration of the Donetsk and Lugansk People's Republics, Zaporizhia and Kherson regions into the socio-economic space of the Russian Federation takes place in conditions of deep interregional differentiation that has formed at all stages of the reproductive cycle. New regions are characterized by deformed parameters of demographic and economic processes, which necessitates the development of special mechanisms for their spatial development. An analysis of the territorial proportions of the Russian economy shows that the traditional policy of income redistribution, with certain positive results in smoothing social inequality, does not provide qualitative structural shifts in the spatial development of regions. The integration of new territories into the system of inter-regional economic relations requires the formation of a stable production base capable of generating primary incomes and stimulating domestic demand.

Purpose. To identify the features of the spatial development of the Russian economy through the analysis of the reproductive parameters of the regions and substantiate the directions of regional policy in the context of the integration of new territories. The key hypothesis is that ensuring sustainable spatial development requires modification of reproduction proportions based on the formation of the production base and the growth of primary incomes of the population, which is especially important for new regions at the initial stage of integration processes.

Materials and methods. The data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation, presented in information and analytical materials and statistical publications, were mainly used as a statistical and analytical base for the preparation of the study. To reliably record trends in economic differentiation, an array of data has been used since 2000; due to the publication of annual estimates of the gross regional product with a lag of 1.5 years (actually more), calculations are limited to 2023. The use of an array of information transmitted by subjects of federal statistical accounting, administrative data ensures the objectivity and stability of the assessment, the ability to compare the results (subject to the invariance of methods) for different periods / points in time. The methodological basis of the research is a systematic approach, methods of statistical analysis (typological groupings, analysis of series of dynamics, tabular presentation of data).

Results. The study identified key trends and factors of regional socio-economic differentiation in the Russian Federation. The task of positive economic alignment remains important, but requires the adaptation of assessment methods (including indicators and their target parameters), mechanisms and tools. The results of the study contribute to the expansion of ideas about the spatial structure of the Russian economy in the context of the implementation of new actors (Azov Sea macro-region).

Conclusions. The stable nature of the majority of the imbalances in the territorial development of the Russian Federation, expressed in the asymmetric parameters of the reproduction process, determines the search for means and tools to achieve real progress. The traditional alignment of the levels of regional socio-economic development through the policy of redistribution is not the dominant state regulation at the present stage.

Keywords: spatial development, integration of new regions, reproduction parameters, interregional differentiation, territorial asymmetry, gross regional product, actual finished household consumption, regional policy

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research work of the RANEPА state assignment. Subject 7.3-2026-1 «Priorities of integration and spatial development of the macroregion economy "Priazovye"».

For citation: Bryukhanova N. V., Mashchenko Yu. A., Uvarova G. G., Persidskaia A. V. Reproduction parameters of Russia's spatial development in the context of new regions integration: differentiation, factors, priorities. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2026;(1):21–38. (In Russ.). EDN OCTWJQ

Введение

Период относительно устойчивого развития в России в последнее время сменился ситуацией, в которой неблагоприятные экономические и геополитические факторы внешнего характера накладываются на исторические и приобретенные особенности развития. Решение задач стратегического планирования развития региональных социально-экономических систем требует, с одной стороны, учета кризисных тенденций во внешнеполитической и экономической сферах, с другой – многосторонней оценки социально-экономического развития регионов на фоне влияния различных факторов (состав и вес которых в последние годы претерпел определенные изменения), кризисных зон и «ловушек».

Условиями разработки обоснованных направлений социально-экономического развития региона является учет некоторых особенностей формирования объективной статистической информации, отражающей состояние и тенденции развития региональной экономики. Высокая степень открытости региональных подсистем национальной экономики определяет особенности разработки системы взаимосвязанных показателей региональных счетов и ограниченность их состава.

Повышение качества экономического пространства в условиях его глубочайшей неоднородности – задача, которую пытаются решить на протяжении десятилетий – требует корректных подходов к его экономико-статистическому анализу. Важным теоретико-методологическим условием данного анализа является структурирование факторов регионального неравенства с точки зрения их сущностных особенностей, и в первую очередь, происхождения. По такому принципу следует выделять факторы первичного порядка, количество и качество которых задано «извне» (ресурсный потенциал, экономико-географическое положение, определяющая роль и место в системе административно-территориального деления) и которые, как правило, вносят наиболее значительный вклад в региональные диспропорции, и факторы вторичного порядка, которые отражают достигнутый уровень социально-экономического развития территории (численность и состав рабочей силы, развитая инфраструктура, концентрация производственных мощностей и т.д.).

Проблемы диспропорций социально-экономического развития территорий зачастую связывают с неэффективной структурой экономики. Данную структуру рассматривают преимущественно в контексте отраслевого разреза, но не менее важным аспектом является оценка воспроизводственных пропорций, складывающихся в регионах. Создание и распределение валовой добавленной стоимости/валового регионального продукта, распределительные процессы, ведущие к формированию факторных, а затем вторичных доходов, их трансформация в потребительский спрос и инвестиционные решения – важнейшие характеристики территориальных социально-экономических систем, определяющие качество экономического роста.

Анализ территориальных пропорций российской экономики показывает, что традиционная политика перераспределения доходов при определенных положительных результатах в сглаживании социального неравенства не обеспечивает качественных структурных сдвигов в пространственном развитии регионов. Встраивание новых территорий в систему межрегиональных экономических связей требует формирования устойчивого производственного базиса, способного генерировать первичные доходы и стимулировать внутренний спрос.

Круг научных публикаций, посвященных параметрам территориальной асимметрии и методикам оценки, представлен классическими работами Е. М. Бухвальда, А. Г. Гранберга, В. Н. Лексина, С. В. Баранова, А. А. Куклина и других. При этом наблюдается общая тенденция развития инструментария исследования в направлении как трансформации системы базовых индикаторов, отражающих основные социально-экономические аспекты развития регионов, так и совершенствования методик анализа региональной асимметрии в контексте представлений об особенностях современного этапа. В связи с этим необходима оценка региональной дифференциации показателей валового регионального продукта и фактического конечного потребления домашних хозяйств. Идентификация факторов территориальной асимметрии, определение специфики интеграции новых регионов в пространственную структуру российской экономики.

Материалы и методы

Адекватный выбор показателей для анализа и стратегического планирования развития экономической и социальной сферы регионов приобретает особое значение в условиях интенсификации исследований, посвященных межрегиональным различиям. Основной информационный массив представлен в официальной статистике – региональных подсистемах национальных счетов (СРС). В отечественной статистике региональные счета представлены ограниченным набором показателей (счетов производства, образования и использования доходов). Методология их расчета в последние годы претерпела несколько значительных трансформаций в целях гармонизации с международной учетной практикой. Однако показатели СРС позволяют всесторонне оценивать асимметрию результатов экономической деятельности в регионах.

В качестве статистико-аналитической базы при подготовке исследования использованы преимущественно данные Федеральной службы государственной статистики РФ, представленные в информационно-аналитических материалах и статистических изданиях. Для достоверной фиксации трендов экономической дифференциации был использован массив данных начиная с 2000 г.; в связи с публикацией годовых оценок валового регионального продукта с лагом в 1,5 года (фактически больше) расчеты ограничены показателями 2023 г. Использование массива

информации, транслируемого субъектами федерального статистического учета, административных данных обеспечивает объективность и устойчивость оценки, возможность сопоставления результатов (при условии неизменности методик) за разные периоды/моменты времени. Методологической основой исследования является системный подход, методы статистического анализа (типологических группировок, анализа рядов динамики, табличного представления данных).

Результаты и обсуждение

В региональной социально-экономической науке оценка достигнутого уровня развития базируется, как правило, на комплексе количественных показателей, входящих в систему официальной статистической информации, важнейшим из которых является валовой региональный продукт (ВРП) – сумма добавленной стоимости всех продуктов (товаров и услуг), произведенных резидентами данной территории. Анализ региональной дифференциации показателя ВРП (взят в расчете на душу населения с целью элиминирования эффекта масштаба) в достаточно продолжительном динамическом ряду (табл. 1) приводит к следующим результатам.

Таблица 1 – Распределение регионов-субъектов Российской Федерации по валовому региональному продукту на душу населения в 2000–2023 гг.¹

Table 1 – Distribution of regions-subjects of the Russian Federation by gross regional product per capita in 2000–2023

	Валовой региональный продукт на душу населения							
	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
до 50%	18	27	22	22	18	23	24	22
50-75%	31	22	28	23	29	26	27	30
75-100%	13	16	15	24	20	17	18	17
100-150%	9	9	9	8	5	6	6	6
150% и более	6	7	7	8	13	13	10	10
Среднее	39523,3	125638,2	263826,6	447395,3	639170,0	830059,8	950861,4	1073650,9
Минимальное	6667,9	17435,1	48239,2	108133,7	141618,3	141496,0	162797,0	182203,7
Максимальное	115630,0	1067007,7	3465406,9	5359728,6	5547322,7	9866203,0	11815172,8	11995334,3

Распределение регионов РФ по величине валового регионального продукта на душу населения в целом не подверглось каким-то революционным изменениям. Проблемы регионального неравенства по значению данного показателя отличаются системным и долгосрочным характером. Разрыв в 40-70 раз отмечается на протяжении практически всего рассматриваемого периода.

В группе лидеров (со значением ВРП более 150% от среднероссийского), хоть и наблюдались колебания численности (от 6 до 13 регионов) отмечается вполне традиционное постоянство состава. Экономическое развитие ее регионов определяется ресурсной базой (автономные округа – Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Республики Саха-Якутия и Коми, Магаданская и Сахалинская области) и эффектом агломерации (города федерального значения Москва и Санкт-Петербург). Среди лидеров нет ни одного субъекта, в структуре ВДС которого бы преобладала, или хотя бы выделялась обрабатывающая промышленность; доля строительства невысока и составляет 4-7 %.

Суммарно в регионах данной группы проживает не более 17% всего населения страны. Практически только данным субъектам, а также нескольким «серединным» регионам доступны

¹ Рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 436 с. – Раздел 8. Валовой региональный продукт.

ресурсы для модернизации экономического развития, инновационных прорывов, повышения благосостояния и качества жизни населения.

Если из анализа исключить регионы-лидеры, то оставшаяся часть субъектов РФ различается по показателю ВРП на душу населения приблизительно в 8-10 раз. Разрыв уже не настолько аномальный, но его причины практически не меняются. Перечень регионов-аутсайдеров закономерно отличается постоянством. В его составе республики Северо-Кавказского федерального округа, новые регионы – г. Севастополь и республика Крым, сельскохозяйственные и старопромышленные регионы. Структура региональной ВДС как правило характеризуется более высоким, чем в среднем по стране, удельным весом сельского хозяйства (10-18 %), в отдельных случаях (Ивановская область) – долей обрабатывающих производств, и системно высокими показателями отрасли «Государственное управление» (до 22-25 %), в которых отражаются результаты реализации социальных программ. База экономического роста в данных регионах очень узкая; специализация на сельском хозяйстве, не подкрепленная развитием обрабатывающей промышленности, не приносит приращения показателя ВРП; «якорные» объекты, значимые инвестиционные проекты либо отсутствуют, либо только появляются. Собственных экономических возможностей у регионов-аутсайдеров для развития недостаточно; и данная ситуация, как видно из распределения, консервируется годами.

В стабильно (в худшем смысле) непрестом положении оказываются регионы, ВРП которых составляет 50-100 % от среднего по стране значения. Не аутсайдеры, но и не самодостаточные; есть внутренние факторы и резервы роста, отрасли специализации, конкурентные преимущества, но все это реализуется не в полной мере. Состав их варьирует, но несущественно, в основном при перемещении в данную группу регионов из числа аутсайдеров, достигаемого за счет эффекта низкой базы (например, Республика Калмыкия, переместившаяся в последние годы в 2021–2022 гг. на 33 место). Парадокс, но регионы с крупными агломерациями, высокой концентрацией человеческих ресурсов (суммарно в них проживает более 100 млн чел.), высокотехнологичными производствами и диверсифицированной экономикой не попадают в группу лидеров в общероссийском экономическом пространстве. Естественно, нужно смотреть «вглубь» региональной социально-экономической ситуации, так как, как правило, развитие региональных агломераций на базе административных центров данных субъектов характеризуется более высокими темпами. Важной особенностью неравенства регионов в России является его глубинная природа, основанная на внутрирегиональных (город – село, агломерация – периферия) различиях. Эти различия более устойчивы и консервативны, так как базируются не только на экономических, но и социальных факторах – различиях в образе жизни, занятости, доходах, структуре потребления и т.д.

Динамика распределения регионов по значению ВРП на душу населения и соответственно сдвигов в региональной структуре экономики страны имела определенный положительный вектор примерно вплоть до 2015 г. Сократилось число регионов со значением показателя менее 75 % от среднего с 47 из 77 в 2000 г. (61 %) до 45 из 85 в 2015 г. (53 %). Максимально за анализируемый период выросло число субъектов в группе 75-100 % – с 17 до 24 регионов (с 22 до 28 %). Тем самым подтверждается гипотеза о волнообразном характере региональной дифференциации, чередующим тенденции усиления и сокращения в зависимости от характера экономической динамики [1].

К 2023 г. произошел откат на прежние позиции. Доля регионов с показателем ВРП меньше среднероссийского значения осталась практически на уровне 2000 г., даже несколько больше (81,1 против 80,5 %); при этом возрос удельный вес регионов с наименьшим значением показателя (с 22 до 26 % в 2023 г.). Благоприятные возможности экономического развития, которые имелись до периода пандемии и санкций, основанные на сырьевой ренте, притоке капитала, государственном финансировании различных проектов, перераспределительных бюджетных процессах и т.д. к настоящему времени уменьшились на порядок.

Таким образом, анализ региональной дифференциации показателя ВРП на душу населения в очередной раз демонстрирует ограниченность факторов экономического роста в РФ, практически исчерпывающий перечень которых составляют агломерационный эффект и нефтегазовый

(сырьевой) фактор. Такая узкая база факторов роста, как неоднократно отмечалось в литературе, несет в себе серьезную угрозу экономическому и социальному развитию территорий и государства в целом [2]. Снижение темпов роста регионов-лидеров уже стало реальностью. Так, в 2023 г. в нефтегазодобывающих округах индекс физического объема ВРП составил менее 100 %. В 2026 г. в условиях кардинального снижения объемов российского экспорта, недостаточного развития сектора обрабатывающей промышленности во внутренней экономике, рисков сокращения объемов производства и платежеспособного спроса экономика в ресурсно-ориентированных регионах оказывается в ловушке традиционной и до недавних пор достаточно надежной базы экономического развития. Весь накопленный потенциал может уйти на компенсацию последствий явлений и событий, не подконтрольных региональной администрации (введение санкций во внешней торговле, сокращение объемов экспорта, изменения в системе налогообложения и т.д.).

Вместе с тем показатель валового регионального продукта, как объемный, так и в расчете на душу населения, не является безусловным индикатором экономического роста. При его расчете допускается ряд методологических упрощений «горизонтального» и «вертикального» характера: при расположении в регионе головных структур корпораций значение ВРП завышается, а при расположении отдельных подразделений добавленная стоимость и ВРП, соответственно занижаются; при распределении мультирегиональных видов деятельности (финансы, транспорт, государственное управление и т.д.) также происходят искажения [3], выраженные в наличии нераспределенной валовой добавленной стоимости. Значения данного показателя не отражают реальную картину различий уровня жизни и благосостояния населения, так как произведенный ВРП может существенно отличаться от распределенного и тем более израсходованного показателя. Для точности результатов оценки и анализа его желательно корректировать на региональные различия в стоимости жизни населения (например, путем соотношения с величиной прожиточного минимума [4] или стоимость фиксированного набора товаров и услуг). Разброс показателя при этом уменьшается (например, при объединении показателей нефтегазодобывающих округов с показателями «головного региона» разрыв в 2023 г. сокращается с 64 до 20 раз), но все же остается значительным и практически с теми же географическими характеристиками¹.

Более ориентированным на изучение региональных характеристик и пропорций уровня жизни населения в системе регионального счетоводства является показатель фактического конечного потребления домашних хозяйств. Его значение определяется величиной социальных трансфертов в натуральной форме и расходов домашних хозяйств. Данный показатель выступает одним из важнейших индикаторов воспроизводственных процессов, определяющим суммарно состояние платежеспособного спроса в регионе и потребностей, удовлетворение которых осуществляется нерыночным способом, возможности повышения уровня и качества жизни населения. Увеличение уровня потребления сектора домашних хозяйств способствует росту конечного спроса на товары и услуги, развитию производства, ускорению экономического роста, улучшению характеристик человеческого потенциала (укреплению здоровья, росту уровня образования и т.д.) [5]. Такая связь (доходы и расходы институциональных единиц секторов экономики работают на собственный экономический рост) безусловно, наблюдается, когда преобладающая часть расходов совершается внутри территориальной социально-экономической системы. В силу открытости региональных экономик данная связь проявляется слабее, но все же весьма существенно.

Потребление домашних хозяйств представляет собой не просто совокупные расходы населения без цели увеличения прибыли; это активная стадия воспроизводственного процесса, на которой индивиды делают обоснованный выбор в пользу определенных товаров и услуг, и одновременно это важный фактор экономического роста. Опыт и развитых, и развивающихся стран показывает, что наиболее устойчивые результаты дает экономическая политика, ориентированная на стимулирование внутреннего спроса и рост потребления [6]. По динамике,

¹ Доклад Аналитического центра при Правительстве России «Проблема сдвигов в региональной структуре экономики России». URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/1197.pdf> (дата обращения 29.01.26).

структуре и характеру конечного потребления можно оценить состояние экономики, возможности и перспективы экономического роста.

При расчете показателя используются данные об обороте розничной торговле, отражающей расходы на индивидуальное потребление продуктов питания и напитков, непродовольственные товары (одежда, обувь, мебель, бытовая техника и т.д.), данные федерального статистического наблюдения об объемах платных услуг (жилищно-коммунальных, транспортных, медицинских и других), общей оценки ненаблюдаемых видов деятельности, величине социальных трансфертов в натуральной форме (бесплатно предоставляемых домашним хозяйствам товаров и услуг социально-культурного характера). Динамика фактического конечного потребления домашних хозяйств отражает изменения в процессах трансформации создаваемой добавленной стоимости, распределения первичных и перераспределения вторичных доходов населения в потребности домашних хозяйств в продовольственных и непродовольственных товарах и различных услугах. Идентифицируются также бесплатные передачи потребительских товаров и услуг от органов государственного управления и некоммерческих организаций домашним хозяйствам – пособия, компенсации, льготы по оплате и другие меры социальной поддержки, увеличивающие объем нерыночного спроса. Следовательно, территориальные особенности данного показателя складываются под воздействием как достигнутого уровня экономического развития, выраженного в показателях объема регионального производства товаров и услуг, так и межрегионального распределения доходов.

Региональная дифференциация фактического конечного потребления домохозяйств в России и ее динамика представлены в табл. 2.

Таблица 2 – Распределение регионов-субъектов Российской Федерации по фактическому конечному потреблению домашних хозяйств на душу населения в 2000-2023 гг.¹

Table 2 – Distribution of the regions – subjects of the Russian Federation according to the actual final consumption of households per capita in 2000-2023

	Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения							
	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
до 50 %	3	3	3	1	1	2	2	1
50-75 %	17	20	11	11	11	8	7	6
75-100 %	37	30	44	40	47	46	48	50
100-150 %	15	17	16	27	19	23	23	21
150 % и более	8	10	7	6	7	7	6	7
Среднее	24964,9	79943,6	183266,0	296330,1	409455,2	482117,7	537330,3	605276,8
Минимальное	6043,3	13583,7	53481,0	96755,6	129941,9	138501,7	164102,7	186788,8
Максимальное	94414,4	223116,1	408638,9	597055,4	790310,0	949104,1	984404,8	1111452,6

В сравнении с показателем ВРП на душу населения показатель фактического конечного потребления характеризуется меньшим разрывом крайних значений, который благодаря перераспределительному характеру российской бюджетно-налоговой политики уменьшился с 2000 по 2023 гг. с 16 до 6 раз. Снижение региональной дифференциации по уровню расходов на конечное потребление стало возможным благодаря традиционным ключевым факторам – экономическому росту, повышению уровня реальных доходов населения, перераспределительной бюджетной политике [7]. Потребление в регионах с низким значением показателя росло быстрее, чем в регионах с высокими расходами, что проявляется и при рассмотрении крайних значений показателя, и значений по укрупненным группам из 10 регионов в каждой. Во многом, естественно, это было эффектом низкого уровня базы – чрезвычайно низкого уровня доходов и расходов населения в регионах с невысоким стартовым уровнем развития.

¹ Рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 436 с. – Раздел 8. Валовой региональный продукт.

Тем не менее процессы трансформации перераспределения расходов на конечное потребление между регионами оказались достаточно консервативны. Так, соотношение максимального и минимального значения показателей со среднероссийским уровнем после кардинального изменения в 2000–2010-е гг. стабилизировалось и в последние годы составляет 2,1 и 2,9 раза соответственно. «Слома традиций» не произошло, несмотря на огромное значение политики перераспределения в России на всех этапах социально-экономического развития и определенные положительные результаты. Существенно уменьшилось количество регионов с потреблением домашних хозяйств менее 75 % от среднероссийского уровня – с 20 в 2000 г. до 7 в 2023 г. Но и здесь произошло перемещение только в следующую по градации группу – с диапазоном от 75 до 100 % от среднего в стране показателя. В большинстве регионов, таким образом, так и не обеспечен достаточный уровень конечного потребления и его структура, соответствующая потребностям развития человеческого потенциала и соответствующих приоритетов – не выживания, а эволюции и прогресса. Симптоматическим индикатором в этом смысле является средняя доля расходов на продукты питания, составляющая в 2023 г. в среднем в РФ 34,5 %. При этом в 47 регионах расходы на продовольствие выше среднего по стране показателя. Как следствие, если на еду уходит существенная часть бюджета домашнего хозяйства, то все остальные расходы – на медицину, образование, отдых и культурное развитие – финансируются по остаточному принципу.

Исследователями, начиная с Э. Энгеля, неоднократно подчеркивался тесный обратный характер связи между расходами на питание и уровнем дохода, ВВП на душу населения. Рейтинг стран по доле расходов в бюджетах домохозяйств на продовольственные товары 2022 г. четко демонстрирует данную зависимость. В экономически развитых странах доля затрат на продукты питания, как правило невысока (9–12 %)¹; большую часть бюджетов домохозяйства расходуют на различные услуги и непродовольственные товары. По мере экономического роста доходы потребителей растут быстрее цен на продукты питания, а изменения в количестве и качестве потребляемых продовольственных товаров в любом случае имеют ограничения. В странах/регионах с невысоким уровнем доходов затраты на еду являются основным элементом затрат, что с учетом обязательных расходов на налоги, некоторые виды услуг (транспортные, связи, жилищно-коммунальные) не оставляет возможности для удовлетворения потребностей в повышении уровня образования, своевременного и качественного лечения, отдыха и т.д. Отсутствие возможности у населения осуществлять расходы, особенно не являющиеся обязательными и не связанные с обеспечением физиологических потребностей, а направленные на удовлетворение потребностей социально-культурного характера, фактически означает что у людей нет для этого достаточно средств. В целом данную статью расхода в семейных бюджетах можно считать одним из важнейших показателей уровня экономического и социального развития [8], а ее размер – маркером возможности обеспечения воспроизводства человеческого капитала и экономического роста.

При сравнении состава групп регионов по показателям душевого ВРП и фактического конечного потребления домашних хозяйств (несмотря на указанные выше условности и допущения в расчете ВРП, отражения им созданной, но не распределенной и тем более израсходованной стоимости) обращает на себя внимание избирательный характер перераспределительного воздействия. Если сравнить ранги (места) регионов по указанным показателям, то очевидно, что существенные различия положения региона по ВРП и фактическому конечному потреблению домохозяйств (разница в 10 и более пунктов) характерны приблизительно для 40% субъектов РФ, например, в 2023 г. для 36 из 85. Из этого числа регионов в большинстве (22 субъекта) ранг (место) по фактическому конечному потреблению значительно выше, чем место по ВРП на душу населения (например, для Республики Адыгея – на 47, Брянской области – на 29, Краснодарского края – на 26, Ростовской области – на 25 пунктов). Существенно понизили свое положение по конечному потреблению домохозяйств в сравнении с положением по ВРП Астраханская область

¹ Рейтинг стран Европы по расходам на еду. URL: <https://ria.ru/20221212/eda-1837512329.html> (дата обращения 29.01.26).

(на 46 пунктов), Оренбургская и Вологодская области – на 34 пункта, Республики Удмуртия, Хакассия, Кемеровская область – на 24 пункта и другие регионы. При этом регионы-лидеры по ВРП сохранили в основном свое главенствующее положение и по конечному потреблению домохозяйств: место г. Москвы соответственно 1 и 7, Чукотского автономного округа 3 и 4, Республики Саха-Якутия 10 и 8 и т.д. Серьезных ротаций в регионах первых двух десятков (в числе которых преимущественно финансово-экономические центры и сырьевые экспортоориентированные регионы), за исключением вхождения в состав субъектов с высокими расходами Краснодарского края, не отмечено. Как и следовало ожидать, высокий уровень душевого ВРП коррелирует с высоким уровнем потребительских расходов; расходы населения в регионах с недостаточным уровнем развития и дефицитом первичных доходов определяются действием инструментов бюджетно-налоговой и социальной политики перераспределительного характера, компенсирующие нехватку первичных доходов социальными трансфертами в натуральной форме. Удельный вес последних в ФКП составляет 13–15 %; элиминация данного показателя значительного влияния на региональные различия в потребительских расходах не оказывает.

Также на трансформацию положения регионов по уровню фактического конечного потребления домохозяйств оказывают влияние факторы вторичного (с точки зрения происхождения, но не значимости) характера: отраслевая структура экономики, уровень урбанизации, состояние регионального рынка труда, динамика цен, которая влияет на поведение и предпочтения потребителей. Определенную роль играют благоприятные параметры климата и экономико-географического положения, при которых регион выбирают как место постоянного проживания люди, работающие вахтовым методом и др. Увеличению объемных и душевых показателей расходов способствуют существенный удельный вес в ВДС региона отраслей, привлекающих на территорию региона дополнительных потребителей (так, расходы туристов в регионе пребывания увеличивают общий объем расходов, чему яркий пример Краснодарский край); высокий уровень урбанизации определяет больший доступ для населения к товарам и услугам в силу развитости социальной и иной инфраструктуры; деструктивное состояние регионального рынка труда и высокий уровень безработицы сопряжены с дефицитом доходов и заработной платы как основного их источника.

Важным моментом в анализе региональной дифференциации валового регионального продукта и фактического конечного потребления домашних хозяйств является оценка территориальных различий соотношения данных показателей. Соотношение потребительских расходов и показателя конечного результата производственной деятельности в экономически развитых странах несмотря на некоторые колебания из-за состояния экономической конъюнктуры характеризуется устойчивыми значениями (Германия – 64,5% в 2017 г., 64,2% в 2021 г.; Канада – 69,5%, 66,4%; США – 73,7%, 74,2%; Швеция – 60,3%, 58,8% соответственно)¹. Доля фактического конечного потребления домашних хозяйств в структуре ВВП по результатам программы международных сопоставлений в РФ в 2017 г. составила 66,0%; к 2021 г. снизилась до 58,6%, что вполне сопоставимо с показателями развитых стран.

Отношение суммарного конечного потребления на территориях субъектов РФ к суммарному ВРП будет меньше в силу особенностей расчета ВРП и наличия существенных, не распределяемых между регионами показателей добавленной стоимости ряда отраслей, результатов теневой экономической деятельности, налогов. В последние годы оно составляет приблизительно 48,3–48,7%. В соответствии с новой методологией расчета ВРП, применяемой с 2021 г. (пересчет региональных показателей был произведен за период начиная с 2016 г.) в состав ВРП и его компонента – расходов на конечное потребление домашних хозяйств – включена так называемая виртуальная жилищная рента, стоимость жилищных услуг, производимых и потребляемых собственниками жилья². Результаты пересчета демонстрируют увлечение соотношения

¹ Рассчитано авторами по данным: Национальные счета России в 2017-2024 годах: Стат. сб./ Росстат. - М., 2025. – 406 с. – Раздел 4. Результаты международных сопоставлений валового внутреннего продукта.

² Официальная статистическая методология расчета стоимости услуг по проживанию в собственном жилье по субъектам Российской Федерации. Утверждена приказом Росстата от 12.03.21 № 138. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vYtIMnAa/metod-st-ys.pdf> (дата обращения 29.01.26).

ФКП и ВРП в среднем на 1–2 %, но в регионах с высокой (особенно относительно доходов) стоимостью жилья и индексом роста цен на вторичном рынке прирост ФКП и его соотношения в ВРП мог быть существенно больше.

Интерес при этом представляют региональные пропорции, отражающие координацию различных фаз воспроизводственного цикла – стадии производства, распределения и перераспределения доходов и конечного использования. Так, в 2023 г. у 69 регионов соотношение фактического конечного потребления и ВРП было больше среднероссийского значения; у 42 субъектов составляло более 70 %, что соответствует показателям стран с развитым экономическим базисом и высоким уровнем жизни населения; а у 7 регионов превысило 100 %, достигнув максимальных значений в 132 и 142 % в республиках Дагестан и Кабардино-Балкария (табл. 3). Определенные объяснения этого феномена заключаются в методологических особенностях расчета ВРП производственным методом, объем которого занижается из-за исключения налогов на продукты. Влияние могут также оказывать расходы нерезидентов на территории региона (при наличии существенной величины туристического потока и расходов туристов, например), однако, как в вышеназванных регионах, так и в Псковской области, республиках Ингушетия, Северная Осетия, Адыгея, Крым (где соотношение ФКП ДХ к ВРП 100 и более %) они не настолько велики, чтобы считать такое соотношение экономически обоснованным. Следовательно, колоссальную роль в повышении объемов потребительских расходов в данных регионах играют объемы федеральной помощи, межбюджетных трансфертов, идущие по разным каналам и в отношении различных целевых групп.

Корректировка показателя ФКП на объем социальных трансфертов несколько уменьшает число субъектов, живущих «за пределами возможностей» (с расходами 80 и более % по сравнению с ВРП), что может быть результатом особенностей отраслевой структуры производства, высокого уровня теневых доходов и т.д. Также экспертами отмечается влияние разделения нераспределенной части ВДС между регионами, которое базируется на условных расчетах и не может считаться полностью корректным.

Таблица 3 – Распределение регионов-субъектов РФ по соотношению фактического конечного потребления и расходов домашних хозяйств и валового регионального продукта в 2023 г.¹

Table 3 – Distribution of the constituent regions of the Russian Federation by the ratio of actual final consumption and household expenditure and gross regional product in 2023

	До 20 %	20– 30 %	30– 40 %	40– 50 %	50– 60 %	60– 70 %	70– 80 %	80– 90 %	90– 100 %	Более 100 %
	Соотношение ФКП ДХ к ВРП									
Число регионов	3	3	1	9	12	15	14	14	7	7
	Соотношение расходов домашних хозяйств к ВРП									
Число регионов	5	1	8	14	14	19	11	4	3	4

Проведенный анализ территориальной вариации показателей ВРП и потребления домашних хозяйств дает возможность посмотреть на региональные воспроизводственные процессы с разных сторон, оценить эффективность мер, применяемых для сглаживания его диспропорций, стимулирования экономического роста и выравнивания социального положения населения. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что сохранившееся и даже усилившееся неравенство регионов по объемному и душевому показателю валового регионального продукта сочетается с заметным выравниванием ситуации с доходами и расходами домашних хозяйств. Сокращение их межрегиональной дифференциации было достигнуто во многом за счет эффекта низкой базы – низкого уровня доходов у значительной части населения, которая

¹ Рассчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 436 с. – Раздел 8. Валовой региональный продукт.

не позволяет перейти к качественно иному уровню потребления и благосостояния [9]. Однако эффект сглаживания разрыва душевых показателей, не подкрепленный модернизацией территориальных производственных комплексов, может замедлить экономический рост в развитых регионах и создавать ложные иллюзии, завышенные ожидания в менее стабильных, снижать стимулы для самостоятельного развития, прибегать к манипуляциям, фальсификациям и искажениям статистической информации. Так, резко выросшие за последние годы коэффициенты разводимости в республиках Северо-Кавказского федерального округа (в 2-8 раз с 2015 г.) вряд ли связаны с трансформацией брачно-семейного поведения населения в данных регионах, а скорее обусловлены стремлением получить полагающиеся пособия.

Из регионов с небольшими относительно численности населения объемами ВРП не удастся сделать территории с достаточным уровнем доходов, высоким уровнем потребления и эффективной структурой платежеспособного спроса. Аутсайдеры производства остаются аутсайдерами и в потреблении. Более половины субъектов тратит на потребление 70 % и более ВРП, что могут себе позволить даже не все развитые страны (и развитые туристско-рекреационные комплексы, благоприятные климатические условия и другие факторы, привлекающие на постоянной основе потребителей из других регионов имеют только единицы среди них). Ряд регионов функционируют даже не «в ноль», а «в минус», если потребление домохозяйств не обеспечивается объемом созданной на территории добавленной стоимости. И одновременно в данных же регионах отмечается самая примитивная структура потребительских расходов, выраженная в высокой доле расходов на продукты питания (45 % в республиках Кабардино-Балкария и Крым, 48 % – в Чеченской республике, 56 % – в Дагестане, 60 % в Ингушетии).

Следует вывод, что если региональная дифференциация не имеет выраженной тенденции к росту (порог уже давно превышен, и некоторые отклонения от него не играют большой роли), то поиски инструментов и методов ее снижения до сих пор не дали значимых результатов. Региональная бюджетно-налоговая политика в России до сих пор пытается совершить «чудо умножения хлебов». При этом ее перераспределительные возможности и в целом усилия по снижению неравенства и повышению качества экономического пространства в России явно недостаточны. Одна из особенностей перераспределительной политики в России заключается в том, что, являясь очень затратной, она не меняет соотношения сил, не дает регионам возможности вырваться из своей группы. Более бедные становятся менее бедными, но и только.

Как отмечается в исследованиях ряда авторов, факторы регионального неравенства имеют разное происхождение [10]. Условно их можно классифицировать на первичные – благоприятный климат, выгодное экономико-географическое положение, обеспеченность природными ресурсами. Эти факторы по сути касаются благоприятных стартовых условий, которые определяют основные причины социально-экономического неравенства и у людей. Устранить их влияние невозможно и не нужно; следовательно, воздействовать можно только на факторы вторичного характера – институциональная среда, развитая транспортная, социальная, инженерная и др. инфраструктура, территориальная концентрация населения и производства в крупных городах, качество человеческого капитала и др. Только накопление человеческого капитала способно обеспечить регионам высокое качество и устойчивость экономического роста. Развитие же человеческого капитала в системе его важнейших характеристик – медико-демографической, образовательно-культурной, инновационной и т.д. – невозможно без достаточного уровня конечного потребления и его сбалансированной структуры.

Общество, члены которого озабочены выживанием, не может обеспечить воспроизводство высокопроизводительных работников. Размер доходов и определяемая им структура потребления населения, при которой основная масса расходов уходит на продовольствие, не дает возможности направлять средства на потребление товаров и услуг, обеспечивающих более высокий уровень и качество жизни.

Конечное потребление сектора домашних хозяйств играет важнейшую роль в развитии производства, стимулировании экономического роста, повышении качества человеческого потенциала. Обеспечение его достаточного уровня и сбалансированной структуры должно стать одним из направлений совершенствования экономической и социальной политики.

Вместе с тем совокупный потребительский спрос не может быть сам по себе драйвером роста без фундаментальных основ – развития производства на основе модернизации и обновления действующих производственных мощностей, запуска новых. Искусственное накачивание ряда отраслей и сфер деятельности доходами (высокими зарплатами в финансовом посредничестве, компаниях с экспортоориентированным производством, оборонной промышленности; выплатами участникам СВО в последние годы) не может быть бесконечным. При неэффективной структуре и темпах роста инвестиций, вклад в который обеспечивается в основном за счет строительства жилья, транспортной и логистической инфраструктуры, невозможен ни стабильный рост производительности труда, ни повышение доходов населения, ни рост товарооборота и потребительского спроса.

В одном из докладов НИУ ВШЭ середины 2010-х гг. с символическим названием «Деньги вместо роста» показано, что стимулирование потребительского спроса может быть реализовано либо напрямую, через наращивание объемов межбюджетных трансфертов, либо косвенным образом – через высокие результаты экономического развития [11]. Но никакие инструменты перераспределения не создадут устойчивую базу для социально-экономического развития, если их действие не подкрепляется состоянием реальной экономики, предпринимательскими инициативами, инвестиционной активностью, обновлением и расширенным воспроизводством основных фондов, особенно их активной составляющей.

Требуемые системные решения по распределению (в широком смысле) доходов должны быть дополнены (или скорее должны опираться) на устойчиво растущий производственный базис. Модификация воспроизводственных параметров должна быть системной, связанной не только с перераспределением доходов, повышением платежеспособности населения и стимулированием внутреннего спроса, но и направленной на рост производственной базы. При этом ускорение экономической активности в регионе не обязательно должно опираться на высокочеловеческие инвестиционные проекты, экспортоориентированные производства, сложные высокотехнологичные цепочки создания добавленной стоимости.

Опыт столичных центров и крупных агломераций демонстрирует, что катализатором экономического развития могут стать проекты по обустройству городской среды, модернизации транспортной, социальной, коммунальной инфраструктуры, развитию туристско-рекреационного комплекса и т.д. Традиционно таким драйвером считается и сфера жилищного строительства и производства сопутствующих товаров, но в настоящее время отрасль находится под серьезным давлением финансово-экономических (высокие процентные ставки по ипотеке, снизившийся спрос, значительные нераспроданные объемы и т.д.) и административно-регуляторных факторов. Для ряда регионов таким сегментом – одновременно сферой занятости населения, создания добавленной стоимости и привлечения платежеспособного спроса – могут стать туристско-рекреационные виды деятельности. Еще раз подчеркнем, что рост объемов платежеспособного спроса на региональных рынках потребительских товаров и услуг как результат реализации инвестиционных проектов в данных сферах и увеличения доходов низко- и среднедоходных групп населения могут обеспечить надежные и долговременные тенденции экономического развития.

Особые акценты проблемы межрегиональной дифференциации и соответствующей государственной политики приобретают в условиях нахождения ряда территорий в состоянии экономического и социально-демографического коллапса, как происходит сейчас с новыми территориями – Донецкой и Луганской народными республиками, Запорожской и Херсонской областями. Параметры воспроизводственных процессов в данных регионах в последние годы серьезно деформированы во всех сферах, начиная с демографии: отмечаются процессы катастрофического снижения рождаемости, кратного роста смертности, миграционного «бегства» и как результат, деградации половозрастной структуры населения. Активный характер геополитического конфликта привел к многочисленным разрушениям производственно-хозяйственной и социальной инфраструктуры. При этом фундамент для негативных тенденций в новых регионах был заложен еще во времена украинской государственности, т.е. задолго до перехода противостояния в открытую стадию: высокий износ основных фондов; отсутствие у предприятий собственных

оборотных средств, необходимых для модернизации производственных процессов; значительный дефицит квалифицированных кадров и другие проявления деградации хозяйственной сферы, способствующие ее деиндустриализации (табл. 4).

Таблица 4 – Новые регионы в экономическом пространстве Украины¹

Table 4 – New regions in the economic space of Ukraine

	2007	2010	2013	2018	2019	2020
Удельный вес в совокупном ВРП, %						
Донецкая Народная Республика	12,8	12,3	10,8	5,4	5,2	4,9
Запорожская область	4,6	4,1	3,4	3,9	4,0	4,0
Луганская Народная Республика	4,5	4,3	3,6	1,0	1,0	1,0
Херсонская область	1,3	1,5	1,4	1,6	1,6	1,6
Объем реализованной продукции (товаров, услуг) в % к общему объему реализованной продукции (товаров, услуг) предприятий по Украине						
Донецкая Народная Республика	19,1	19,1	14,2	5,0	4,5	3,7
Запорожская область	7,6	6,3	3,0	3,5	3,2	3,0
Луганская Народная Республика	7,5	6,9	2,6	0,4	0,4	0,5
Херсонская область	0,8	0,9	0,7	0,8	0,8	0,8

Демографические и социально-экономические перспективы развития новых территорий только формируются; они в значительной мере определяются динамикой военно-политической ситуации, инвестиционной и миграционной (в плане положительной динамики) активностью, реанимацией экономик крупных агломераций, разворачиванием процессов социально-экономической интеграции и другими факторами.

Государственной программой восстановления новых регионов (утверждена распоряжением Правительства № 2255 от 22.12.2023 г.) заявлена цель достижения данными субъектами к 2030 г. средних по стране параметров качества жизни и среднероссийского уровня социально-экономического развития, но не показан механизм достижения данной цели. Полагаем, что в силу ряда причин – и объективно низких стартовых условий вхождения новых территорий в социохозяйственное пространство России, и глубокой межрегиональной дифференциации по большинству параметров, отдельные аспекты которой были проанализированы выше – данный целевой ориентир необходимо корректировать.

Сравнивать результаты социально-экономического развития, воспроизводственных демографических процессов в новых регионах со средними по стране на данный момент времени – означает, по мнению авторов, задавать, с одной стороны, вектор возрастающего характера, но с другой – ставить чрезмерно завышенную планку (учитывая, сколько регионов РФ без геополитических проблем не достигают среднего уровня). К новым территориям нельзя подходить с общей для всех меркой (пусть даже средней); встраивание их в современное социально-экономическое пространство должно быть постепенным с ориентацией, соответственно, на уровень регионов, близких им по экономико-географическим, природно-климатическим и т.д. условиям (например, на «старые» регионы российского Приазовья – Ростовскую область и Краснодарский край).

¹ Составлено авторами по: Статистичний збірник «Регіони України», 2012 Ч. II. Київ 2012, 801 с.; Статистичний збірник «Регіони України», 2016 Ч. II. Київ 2016, 692 с.; Регіони України. 2021: стат. зб. Ч. II. Київ: Державна служба статистики України, 2021. 634 с.

Заключение

В целом выявленные устойчивые тенденции дают основания для дальнейшего более детального анализа на базе не только выбранных показателей. Эффективное решение задачи анализа и стратегического планирования регионального социально-экономического развития, выработки параметров делового цикла и воспроизводственных процессов в регионах возможно, по нашему мнению, при реализации следующих ключевых условий:

1. Исследование многообразия факторов, определяющих социально-экономическую ситуацию (определенная часть которых находится в плоскости социального самочувствия и измеряется не только показателями государственной статистики, и, следовательно, требует вариативности методов получения информации ее обработки).

2. Типологизация факторов и видов регионального неравенства, что крайне важно для разработки адекватной региональной политики, корректной настройки ее инструментария. Так, пространственное экономическое неравенство, как было отмечено выше, во многом объясняется конкурентными преимуществами регионов природно-географического и агломерационного характера, что приводит к закономерной концентрации экономической активности на таких территориях. Следовательно, состояние экономического регионального неравенства, его увеличение в периоды экономического роста – не аномальное явление, а результат воздействия объективных факторов. Основная задача при этом – сокращение социального неравенства – требует корректных подходов и мер, адресатами которых должны быть прежде всего люди.

3. Учет ключевых трендов регионального социально-экономического развития в условиях внешних шоков, консервативного характера ряда параметров, накопительного влияния ошибок планирования предыдущих периодов:

– недостаточная бюджетная и законодательная самостоятельность. Параметры и направления социально-экономического развития регионов во многом определены нормативными документами федерального уровня, общегосударственными стратегиями и программами; важнейшие показатели бюджетного процесса – объем и структура расходов бюджета – также формируются непосредственно под влиянием мер федерального характера, плохо встраиваются в прогнозные расчеты. Между тем повысить благосостояние населения в регионе, не повлияв на значение бюджетных индикаторов (расходов на образование, здравоохранение и т.д.) практически невозможно;

– высокая волатильность экономических и геополитических процессов, предопределяющая необходимость наличия варьирующих управленческие воздействия сценариев, смены сценария при неблагоприятном его течении. Формирование и реализация и краткосрочных, и тем более долгосрочных стратегий развития наталкивается на эффект от действия факторов, не подконтрольных системе государственного регулирования. Сложно, например, гарантировать устойчивость и предсказуемость поведения частных инвесторов (хотя их вклад в инвестиционные показатели составляет около 70 %)¹;

– «ловушки» и вызовы, сформированные в предыдущие периоды развития, приводящие несмотря на внешне благоприятные параметры к псевдобезопасному и псевдоустойчивому развитию. Так называют такое состояние экономики и социальной сферы, которое при положительной динамике отдельных индикаторов, отличается неблагоприятным характером остальных [4]. Так, при замедлении темпов общей инфляции в России в 2025 г. до 5,59 % отмечается значительно превышающий ее рост цен на товары потребительской корзины для малообеспеченных (минимальный набор продуктов питания, непродовольственные товары первой необходимости, базовые услуги). Разрыв между уровнем «инфляции для бедных» и общим индексом потребительских цен является уже традиционным явлением, как отмечается в обзорах макроэкономических тенденций аналитики Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), так как базируется на ускоренном удорожании продуктов питания и структуре потребительских расходов с их завышенной долей. Его проявление значительно снижает эффективность социальной политики. Закономерно, что «инфляционный налог на бедных» неравномерно распределен между регионами; антилидерами такого рейтинга являющиеся субъекты с самыми низкими доходами и расходами домашних хозяйств.

¹ Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации по формам собственности (в фактически действовавших ценах. URL: https://www.rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения 30.01.2026)

В качестве примера также можно привести тенденцию сокращения и переформатирования потребительского спроса при относительно благоприятной ситуации с доходами. При росте реальных доходов населения (по данным за 3-й квартал 2025 г. составляет 108,5 %) активизируется тренд на экономию и планирование расходов, отложенные покупки. По данным шестой волны исследования российских потребителей группой компаний Б1 в апреле 2025 г. для 49 % покупателей различного уровня дохода (против 43 % в 2024 г. и 36 % в 2023 г.) отмечена трансформация потребительского поведения, стремление к тщательному контролю и снижению расходов¹;

– высокая инерция ряда показателей, особенно характеризующих демографическую ситуацию (коэффициенты, рождаемости, смертности, естественного прироста населения, половозрастной структуры и др.), достаточно консервативное движение таких индикаторов при выходе из кризисной ситуации, асинхронные направления изменений отдельных компонентов развития. С определенным лагом реагируют и многие экономические показатели: например, снижение потребительских расходов сдерживается личными накоплениями населения и т.д.

4. Необходимость нахождения баланса между двумя векторами региональной политики: стимулирующим и выравнивающим. Вопрос соотношения данных двух типов региональной политики – стимулирующей и выравнивающей – крайне сложен не только с инструментальной стороны, но и с концептуальной и методологической точки зрения. Длительное время по вполне понятным причинам в России доминировал первый вектор, результатом которого стали эффекты разного характера: описанные выше сглаживания региональных диспропорций в уровне доходов и потребления населения, принятие важных решений под давлением различных лобби, настроения иждивенчества и пассивности в ряде регионов и т.д. При этом переход к реализации стимулирующей политики также имеет свои трудности. Так, опыт развитых стран показывает, что перенаправить инвестиционные потоки частных инвесторов в территории с недостаточным уровнем развития инфраструктуры, менее высоким уровнем человеческого капитала, различными барьерами развития (в виде экономических расстояний и не только) крайне сложно; предпочтения логично отдаются инвестициям в территории с выраженными конкурентными преимуществами. Неслучайно в научной литературе высказывалась точка зрения о более выраженном влиянии на выравнивание регионального развития не экономической политики, а социальной, через инвестиции в человеческий капитал [12].

5. Инкорпорирование новых регионов в современное глубоко дифференцированное экономическое пространство РФ требует разработки соответствующих восстановительному периоду социохозяйственного развития методик и индикаторов. Многие показатели социально-экономического развития данных регионов (при снятии ограничений на их распространение, что планируется в 2027 г.) могут быть закономерно ниже среднероссийского уровня, что в очередной раз «качнет» маятник региональной вариации. Встраивать новые регионы в систему анализа территориальных различий нужно постепенно, возможно, начиная, например, с уровня макрорегиона или федерального округа.

Подводя итоги, отметим, что эффективное региональное развитие в современных условиях возрастающей конкуренции за человеческий и инвестиционный капитал требует максимального использования конкурентных преимуществ регионов, модернизации институтов, согласованности приоритетов государства и бизнеса, минимизации последствий ошибок (провалов) рынка на основе эффективного перераспределения. При этом в условиях исключительно высокой пространственной неоднородности следует ставить все-таки задачи не достижения уровня среднероссийских показателей (уровня социально-экономического развития, качества жизни населения и т.п.), как декларируется в современных документах стратегического планирования развития территорий², а повышения качества экономического пространства, ориентируясь на индивидуальные характеристики и особенности регионов.

¹ Российские потребители: устойчивость предпочтений и рациональность выбора. URL: <https://b1.ru/local/assets/surveys/b1-consumer-products-sector-survey-april-2025.pdf> (дата обращения 30.01.26).

² Постановление Правительства РФ от 22 декабря 2023 г. № 2255 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»».

Список источников

1. Пространственное развитие российской экономики: закономерности и государственное регулирование: Научный доклад. / [Е. М. Бухвальд (руководитель), Н. И. Булыгина, О. Н. Валентик и др.]. М.: Институт экономики РАН, 2020. 99 с. ISBN 978-5-9940-0659-7.
2. Растворцева С. Н., Снитко Л. Т. Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 46–58. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.4>. EDN: KOYPWJ
3. Карасев О. И., Кондратьева В. И., Михеева Н. Н., Шинкаренко Т. В. Повышение достоверности оценки валового регионального продукта при построении прогнозов развития региона // Вопросы статистики. 2017. № 5. С. 3–18. EDN: YRGZKH
4. Куклин А. А., Коробков И. В. Выбор эффективной траектории социально-экономического развития региона // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1145–1155. <https://doi.org/10.17059/2018-4-7>. EDN: VPKTLQ
5. Леонидова Е. Г. Анализ динамики и структуры конечного потребления в регионе // Социальное пространство. 2020. № 3. Т. 6. С. 1–12. <https://doi.org/10.15838/sa.2020.3.25.4>. EDN: GVRMMG
6. Миронов В. В., Коновалова Л. Д. О взаимосвязи структурных изменений и экономического роста в мировой экономике и России // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 54–78. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-54-78>. EDN: YTNWLR
7. Михеева Н. Н. Приоритеты регионального развития как фактор экономического роста // Научные труды. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2018. 608 с. С. 32–55. https://doi.org/10.29003/m252.sp_ief_ras2018/32-52. EDN: POOBUB
8. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 2. С. 2–4. EDN: WWAWGQ
9. Широков А. А., Узяков М. Н., Узякова Е. С. Перераспределение первичных доходов населения как фактор снижения неравенства и ускорения экономического роста на региональном уровне // Экономика региона. 2022. Т. 18. Вып. 2. С. 423–436. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-9>. EDN: LEPZUW
10. Батракова Л. Г. Региональное неравенство в социально-экономическом развитии России // Социально-политические исследования. 2021. № 4(13). С. 61–84. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-61-84>. EDN: LFWYAB
11. Маркес И., Назруллаева Е. Ю., Яковлев А. А. Деньги вместо роста: межбюджетные трансферты и электоральная поддержка в России, 2001–2008 [Текст]: препринт WP1/2013/03/; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 44 с.
12. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. № 4(478). С. 6–27. EDN: RZLYST

References

1. *Spatial development of the Russian economy: patterns and state regulation: A scientific report*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. 99 p. ISBN 978-5-9940-0659-7. (In Russ.)
2. Soluttseva S. N., Snitko L.T. Regional specialization and agglomeration effects in the Russian economy. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020;13(3):46–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.4>. EDN: KOYPWJ
3. Karasev O. I., Kondratieva V. I., Mikheeva N. N., Shinkarenko T. V. Improving the reliability of estimates of the gross regional product when making forecasts for the development of the region. *Voprosy statistiki*. 2017;(5):3-18. (In Russ.). EDN: YRGZKH
4. Kuklin A. A., Korobkov I. V. The choice of an effective trajectory of socio-economic development of the region. *Economy of Regions*. 2018;14(4):1145-1155. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/2018-4-7>. EDN: VPKTLQ
5. Leonidova E. G. Analysis of the dynamics and structure of final consumption in the region. *Social Area*. 2020;3(6):1–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/sa.2020.3.25.4>. EDN: GVRMMG
6. Mironov V. V., Konovalova L. D. On the relationship between structural changes and economic growth in the global economy and Russia. *Voprosy Ekonomiki*. 2019;(1):54–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-54-78>. EDN: YTNWLR

7. Mikheeva N. N. Priorities of regional development as a factor of economic growth. In: *Scientific works. Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*. Moscow: MAKS Press; 2018. 608 p. P. 32–55. (In Russ.). https://doi.org/10.29003/m252.sp_ief_ras2018/32-52. EDN: POOBUB
8. Zubarevich N. V., Safronov S. G. The share of food products in the structure of expenditures of the population of Russian regions as an indicator of living standards and modernization of consumption. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia*. 2019;(2):2-4. (In Russ.). EDN: WWAWGQ
9. Shirov A. A., Uzyakov M. N., Uzyakova E. S. Redistribution of primary incomes of the population as a factor in reducing inequality and accelerating economic growth at the regional level. *Economy of Regions*. 2022;18(2):423–436. (In Russ.). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-2-9>. EDN: LEPZUW
10. Batrakova L. G. Regional inequality in the socio-economic development of Russia. *Social and Political Research*. 2021;4(13):61-84. (In Russ.). <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-61-84>. EDN: LFWYAB
11. Marquez I., Nazrullayeva E. Yu., Yakovlev A. A. *Money instead of growth: inter-budget transfers and electoral support in Russia, 2001-2008*: WP1 preprint/2013/03/; HSE University. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2013. 44 p. (In Russ.)
12. Zubarevich N. V. Regional development and regional policy in Russia. *ECO*. 2014;4(478):6–27. (In Russ.). EDN: RZLYST

Информация об авторах

Н. В. Брюханова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования, директор учебно-научного центра, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Ю. А. Мащенко – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Г. Г. Уварова – доктор политических наук, профессор кафедры экономики, финансов и природопользования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

А. В. Персидская – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the authors

N. V. Bryukhanova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economics, Finance and Environmental Management, Director of the Educational and Scientific Center, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Ju. A. Mashchenko – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economics, Finance and Environmental Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

G. G. Uvarova – Dr. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Economics, Finance and Environmental Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

A. V. Persidskaia – Senior Lecturer at the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2026; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 06.03.2026.

The article was submitted 31.01.2026; approved after reviewing 05.03.2026; accepted for publication 06.03.2026.